
Владимир Кожевников
Запах дождя
на твоей коже

Владимир Кожевников

Запах дождя на твоей коже

Серия «Рассказы о любви», книга 19

https://litres.ru/73779711
SelfPub; 2026

Аннотация

Анастасия Райская, гениальный инженер, создаёт перчатки тактильной обратной связи «Haptica» — технологию, способную передавать не только давление, но и температуру, фактуру, даже щекотку. Но рынку нужны дешёвые суррогаты, а её вытесняют в убогий коворкинг. Неожиданно появляется загадочный Ян Ветров из закрытой Академии Стерха — института, где учили чувствовать телом, пока основатель не убил свою жену на сцене. Ян предлагает Лере доработать её перчатки для прямой передачи эмоций через нейроимплант и дать душу нейросети. Она соглашается на опасную операцию и погружается в мир, где чужая боль становится своей, а искусственный интеллект обретает стыд, страх и надежду. Но бывший работодатель Крестовский хочет превратить разработку в оружие. Лере и Яну предстоит бежать, скрываться в зимнем лесу и решить: можно ли любить того, кто носит в себе тьму, и можно ли просить своё дитя — нейросеть «Вера» — убивать во имя защиты?

Содержание

Глава 1. Нулевой контакт 4
Глава 2. Петля затягивается 19
Глава 3. Имплант 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Владимир Кожевников
Запах дождя на твоей коже

Глава 1. Нулевой контакт

К запаху перегретого пластика Лера, казалось, привыкла ещё внутриутробно. Мать — невысокая, вечно усталая женщина с руками, покрытыми мелкими шрамами от горячей стружки — работала оператором ЧПУ на заводе «Электросигнал». Вибрации станков, этот низкочастотный гул, пронизывающий кости и заставляющий внутренности мелко дрожать, стали для нерождённой Леры первой колыбельной. Позже, уже в сознательном возрасте, она поняла, что этот гул не просто сопровождал её детство — он встроился в её нервную систему, задал ритм, на который настраивалось всё её тело.

Спустя тридцать два года этот запах — сложный коктейль из озона, фталата и сладковатого привкуса расплавленного ABS-пластика — превратился для неё в синоним безысходности. Коворкинг «Кубик Рубика» на Планерной был местом, где стартапы умирали тихо, почти незаметно, не издавая предсмертного хрипа, а просто однажды переставая открывать двери. Таланты с плохим характером, неспособные к офисной дипломатии, доживали здесь свои дни, постепен-

но превращаясь из перспективных инженеров в озлобленных неудачников.

Лера сидела за своим рабочим столом, втиснутым в угол, откуда открывался вид на единственное окно — грязное, заклеенное скотчем у рамы, выходящее на глухую стену соседнего здания. Света оно давало ровно столько, чтобы не включать лампу до трёх часов дня, а после трёх освещение становилось таким тусклым, что приходилось щуриться. На стене слева висела самодельная полка, которую предыдущий арендатор — какой-то веб-дизайнер с синдромом спасателя — прикрутил так криво, что книги и журналы норовли сползти на пол. Лера держала там только старый номер «Nature» с интервью о нейроинтерфейсах и засохшую герань в горшке — единственное живое существо в этом помещении, которое, казалось, выживало исключительно из чувства противоречия.

Она нажала «Пуск». Трёхмерный принтер — её «динозавр», как обозвал его Макс из соседнего куба — загудел, но не ровно, а с надрывом, как шмель, которого переехал газонокосилкой. Механическая голова дёрнулась, чихнула пластиковой крошкой и замерла на несколько секунд, прежде чем начать выдавливать первый слой тестового куба.

— Опять твой динозавр чихает? — Макс даже не повернул головы. Сидел к ней спиной, в своём идеально организованном пространстве, где каждая ручка лежала под правильным углом, а монитор был откалиброван до последнего пик-

селя. Он просто бросил фразу в воздух — уверенный, что она, как всегда, промолчит. Не потому, что у неё не было ответа. А потому, что за два года совместной работы в «Кубике» он ни разу не задал вопроса, который предполагал бы искренний ответ. Его реплики были как маркеры территории: «я здесь, я главный, а ты — временное недоразумение».

Лера молчала. Сжала кружку с рябиновым чаем так, что бабушкин фарфор — хрупкий, с трещинкой на ручке, заклеенной когда-то эпоксидной смолой — жалобно крякнул. Горячая жидкость плеснула на пальцы, но она не почувствовала ожога — кожа на подушечках давно огрубела от постоянной работы с паяльником и калибровкой сенсоров. Только запах рябины — горьковатый, терпкий, напоминающий о бабушкином саде — ударил в нос, и на секунду Лера перенеслась туда, где было тепло, где пахло яблоками и мокрой листвой, где не нужно было доказывать своё право на существование каждым жестом, каждой строчкой кода.

Два года. Два года она гнула спину здесь, в этом коворкинге с дешёвым ремонтом и вечно сломанным кулером, вместо того чтобы работать в «SensoryWave» с их безразмерным бюджетом и новейшими серверами, где воздух в лабораториях очищался до стерильности и пахло только озоном и деньгами. Два года, как умер Кирилл Андреевич — её учитель, второй отец, единственный, кто не смеялся над её «Haptica». Она помнила его руки — крупные, с узловатыми пальцами, способные одновременно держать паяльник и гладить по го-

лове испуганную студентку. Помнила, как он сказал ей за месяц до смерти: «Лера, ты сделаешь больше, чем все эти мальчики с MBA. Ты чувствуешь материал. А это не учат в бизнес-школах». Помнила, как он сжал её ладонь в последний раз своей рукой — сухой, горячей, уже почти неживой — и прошептал: «Не дай им похоронить твою правду».

Перчатки. Её перчатки, способные передавать не только давление, но и температуру, фактуру, даже щекотку. Технология, которую крупные игроки пытались похоронить, потому что настоящая тактильность убивает рынок дешёвой виртуальной реальности. Зачем покупать полное погружение, если можно просто надеть очки и дешёвые перчатки с вибрацией? Зачем платить за то, чтобы чувствовать шершавость коры или прохладу утренней росы, если можно получить суррогат, который обманывает мозг ровно настолько, чтобы не вызвать отторжения? Её технология была слишком честной. А честность на рынке — это всегда убытки.

А потом пришёл он.

Лера услышала шаги за секунду до того, как в проёме появилась фигура. Шаги были неспешными, но не расслабленными — в них чувствовалась привычка контролировать каждое движение, каждое касание подошвы о пол. Эдуард Крестовский. Белобрысый, с лицом херувима — пухлые губы, ямочка на подбородке, ясные голубые глаза, которые смотрели на мир с выражением вечного любопытства. И душой удава. Лера знала этот контраст слишком хорошо.

Он не уволил её. Не сделал того, что было бы милосердным — отрезать разом, дать возможность начать заново в другом месте, пусть и с волчьим билетом. Он сделал хуже: отправил в ссылку, в этот «Кубик», с формулировкой «для дозревания». «Вы талантливы, Анастасия Сергеевна, — сказал он тогда, в своём кабинете с видом на Москву-Сити, перебирая чётки из нефрита, — но талант без мудрости — это оружие. А вы, простите, пока ребёнок с гранатой. Прозрейте. Научитесь работать в команде. А потом — поговорим». Он знал: без команды, без доступа к квантовым вычислениям, без его протекции — Лера сломается. Сначала будет биться головой о стены, пытаясь доказать, что её технология нужна миру. Потом начнёт пить по вечерам рябиновый чай и смотреть в потолок. Потом просто перестанет верить.

И она почти сломалась. Почти. Но каждое утро, когда принтер чихал и Макс бросал свои колкости, она вспоминала лицо Кирилла Андреевича и его слова: «Не дай им похоронить твою правду». И продолжала.

— Лера? К тебе пришли.

Голос принадлежал администраторше Насте — девушке с вечно испуганными глазами и татуировкой «Carpe Diem» на запястье, которую она сделала в восемнадцать и теперь пыталась свести лазером. Лера обернулась, ожидая курьера с пиццей (она не заказывала), или спамера с вечными ковриками для мыши (она не покупала), или, может быть, кого-то из отдела кадров с очередным напоминанием о просрочен-

ном медосмотре.

Увидела мужчину, которого не заметила бы в подземке.

Средний рост. Худощавый. Пиджак — не просто мятый, а как будто в нём спали, свернувшись калачиком на вокзальной скамейке, а потом ещё и сушили на батарее. Ткань — дорогая, но безнадёжно испорченная: швы на плечах деформированы, пуговица на левом рукаве пришита криво, явно второпях и без навыка. Рубашка под пиджаком — белая, но не ослепительно, а скорее серая от многократных стирок. Ботинки — добротные, кожаные, но покрытые сетью мелких царапин и сбитыми носами.

И при всём этом — он не выглядел неряхой. Неряхи бывают двух типов: те, кому плевать, и те, кто слишком занят, чтобы следить за собой. Этот был из третьей, редкой категории: он выглядел как человек, для которого внешнее — всего лишь контейнер. И контейнер этот он носил с таким равнодушием, что оно само становилось формой достоинства.

Но когда он поднял глаза от порога к её лицу, Лера забыла, как дышать.

Карие. Почти чёрные в полутьме коворкинга, где единственным источником света был её монитор и тусклая лампа над дверью. С крошечными золотыми искрами у зрачков — не линзы, натуральный цвет, такой редкий, что Лера видела его, кажется, только раз в жизни, у девочки в очереди в детской поликлинике. И взгляд — не оценивающий, не раздевающий, не тот, которым мужчины смотрят на женщин в

поиске уязвимостей. Его взгляд был вскрывающим. Скальпелем по фасции. Он смотрел не на её лицо, не на фигуру, не на водолазку с высоким воротом, которую она носила как броню. Он смотрел внутрь. Туда, где Лера сама боялась заглядывать.

— Анастасия Сергеевна Райская? — спросил он. Голос — низкий, с хрипотцой, будто прокуренный, но не раздражённо, а нежно. Как бархат, которым шлифуют лезвие перед ударом. В этом голосе было что-то от старых джазовых пластинок, которые её отец слушал по воскресеньям, сидя в кресле с закрытыми глазами. Что-то тёплое, но опасное.

— Лера, — автоматически поправила она. Пальцы вцепились в кружку сильнее, и бабушкин фарфор снова крякнул — на этот раз жалобнее. — Для всех Лера. Анастасия Сергеевна — это когда я подписываю документы или получаю выговор.

Он не улыбнулся. Но в интонации промелькнуло что-то — не усмешка, не насмешка, а что-то тёплое, как отблеск огня в замёрзшем окне. Словно она сказала что-то, что он счёл правильным, но не хотел показывать.

— А для меня — пока Анастасия Сергеевна, — ответил он. Не поправил, не настаивал. Просто констатировал факт: между ними есть дистанция, и он не собирается её сокращать до тех пор, пока не убедится, что она этого достойна.

Он протянул визитку. Чёрную. Матовую. Такую чёрную, что она, казалось, впитывала свет, создавая вокруг себя

микроскопическую чёрную дыру. Без логотипа, без названия компании, без телефона, без электронной почты. Только один символ в центре — разомкнутая серебряная петля. Не круг, не бесконечность, не спираль. Петля, которая не замкнута. Символ пути без конца. Или ловушки, из которой ещё можно выскользнуть.

— Ян Ветров, — представился он. — Я представляю Академию Стерха.

Лера не взяла карточку. Пальцы, которые держали кружку, побелели в суставах. Академия Стерха. Легенда, о которой она впервые услышала от Кирилла Андреевича, когда была ещё наивной аспиранткой, верящей, что наука и искусство могут существовать в одном флаконе. Закрытый институт, где учили чувствовать — не головой, не алгоритмами, а телом. Танцы, боевые искусства, психология, биомеханика. Студенты Академии могли по походке определить настроение прохожего, по дыханию — степень его агрессии, по микродвижениям мышц — ложь. Они были сверхчувствительными, почти мутантами, которых растили для чего-то большего, чем просто спектакли или спорт.

И скандал, прогремевший на всю страну десять лет назад. Основатель Марк Стерх — гениальный невротик, человек с диагнозом, который ему ставили пять разных психиатров и так и не пришли к единому мнению — убил свою жену и лучшую ученицу прямо на сцене, во время выпускного перформанса. Зарезал театральным кинжалом, который по сце-

нарию должен был быть бутафорским. Но не был. Кровь на чёрном платье, крики в зале, аплодисменты, которые продолжались ещё несколько секунд, потому что зрители думали, что это часть представления. А потом — тишина. И вой сирены.

— Академия закрыта, — сказала Лера. Голос не дрогнул. Она тренировала этот тон два года — тон человека, который не даёт себя запугать. — Давно. Её расформировали. Преподаватели разбежались. Ученики перешли в обычные театральные вузы или уехали за границу. От неё осталась только репутация — и та дурная.

— Для внешнего мира — да, — Ян не всучил визитку. Не стал настаивать. Просто положил её на стол, рядом с бабушкиной кружкой, рядом с пятном от рябинового чая, которое Лера так и не вытерла. Жест был почти небрежным, но она заметила, как он расположил карточку — строго параллельно краю столешницы, на одинаковом расстоянии от кружки и ноутбука. Перфекционист. Или человек, привыкший контролировать хаос. — Мы ушли в цифру. В закрытые сети. В технологии, о которых вы даже не догадываетесь. Академия не умерла, Анастасия Сергеевна. Она мутировала. Как вирус, который приспосабливается к лекарствам.

— И зачем я вам? — Она позволила себе горькую усмешку, и этот звук царапнул горло, как наждак. — Я инженер. Не танцовщица. Не психолог. Не убийца. Я паяю платы и пишу код, который заставляет вибрировать моторчики. Моя

специализация — тактильная обратная связь. Это довольно далеко от сцены и театральных кинжалов.

— Вы создали «Haptica». — Он произнёс название её перчаток так, будто читал стих. С уважением. С тихим восторгом, который она привыкла слышать только от Кирилла Андреевича. — Перчатки, которые делают цифровое прикосновение настоящим. Не имитацией, не суррогатом, а настоящим — с температурой, текстурой, давлением. Вы решили задачу, над которой корпорации бьются уже десять лет, и решили её в одиночку, без бюджета, без команды, с одним старым принтером и верой в то, что тактильность — это последний рубеж цифрового мира. Академии нужно, чтобы вы доработали их под наши задачи.

Лера почувствовала, как внутри что-то ёкнуло. Не сердце — что-то глубже, там, где живёт интуиция, которую она научилась игнорировать. Доработать «Haptica». Под их задачи. Она представила, сколько всего можно сделать с её технологией, если добавить к ней доступ к квантовым вычислениям, нейросетевым архитектурам нового поколения и команде, которая не будет смеяться над каждым её шагом.

— Какие задачи? — спросила она. Голос стал ниже. Она не заметила, как перестала сжимать кружку.

— Обучить нейросеть чувствовать. Не распознавать эмоции по лицам или голосу — это уже умеют даже дешёвые смартфоны. А чувствовать. Изнутри. — Он сделал паузу. В коворкинге было тихо — даже Макс куда-то исчез, даже

принтер затих, допечатав тестовый куб. Тишина стала плотной, почти осязаемой. — Иначе говоря — дать машине душу.

Лера замерла. Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинцовые шары. Душа для нейросети. Это звучало либо безумием, либо гениальностью. Скорее первое. Но Лера вспомнила Кирилла Андреевича, который говорил: «Все великие прорывы сначала звучат как безумие. Если идея не вызывает смеха, она недостаточно смела».

За два года она привыкла к насмешкам. Макс называл её перчатки «секс-игрушкой для гиков» — и в этом была своя правда, потому что интимный рынок действительно проявил интерес, и это бесило Леру больше всего. К её технологии хотели прилепить эротический ценник, свести всё к вибрациям и имитации прикосновений, забыв про главное — возможность передавать нежность, тепло, заботу. Она привыкла к зависти коллег, которые шептали за спиной: «бабам не место в тактильном инжиниринге», как будто пол определяет способность чувствовать материал. И к тихому отчаянию, которое поселилось в ней после смерти учителя: «никому не нужна твоя тактильная правда, Райская. Миру нужны дешёвые суррогаты, а не искусство».

Но душа для нейросети... Это было что-то другое. Это было не про рынок, не про деньги, не про конкуренцию. Это было про то, ради чего она вообще пошла в инженерию — ради возможности соединить живое и неживое, сделать так,

чтобы машины не просто считали, а понимали. Чувствовали. Любили, в конце концов.

— Вы сумасшедший, — выдохнула она. И в этом выдохе не было презрения. Было удивление. И надежда. Та самая надежда, которую она похоронила вместе с Кириллом Андреевичем.

— Возможно. — Ян впервые за весь разговор улыбнулся. Только краями губ, так, что морщинки собрались у уголков глаз — ранние морщины, не от возраста, а от привычки много иронизировать. Но эта улыбка изменила всё его лицо. Сняла маску усталости, сделала его живым, почти красивым. На секунду Лера увидела в нём не загадочного посланца из закрытого института, а человека, который тоже когда-то верил, ошибался, страдал. — Но вы посмотрите визитку. Просто посмотрите. Не сейчас, когда я стою над душой. А когда останетесь одна.

Он развернулся и вышел. Небрежно. Не попрощавшись, не кивнув, не бросив дежурное «до свидания». Просто развернулся и пошёл к выходу, как будто их разговор был закончен, и добавлять было нечего. Лера смотрела ему вслед. Как играют лопатки под мятой тканью пиджака — мышцы напряжены, но движение свободное, почти танцевальное. Как левое плечо чуть ниже правого — старая травма, возможно, вывих или перелом, который сросся неправильно. Как он на секунду задерживается в дверях, будто ждёт, что она окликнет. Не дождался.

Тишина в коворкинге стала оглушающей. Макс куда-то испарился — наверное, ушёл курить или обсуждать с кем-то её неудачи, что было его любимым хобби. Принтер допечатал тестовый куб и затих, издав напоследок жалобный писк. Лера перевела взгляд на чёрную карточку. Серебряная петля тускло мерцала в свете монитора — разомкнутая, незавершённая. Символ бесконечности, у которой нет ни начала, ни конца. Или ловушка, из которой ещё можно выскользнуть, если вовремя заметить.

Она взяла визитку. Пальцы дрожали — первый раз за два года. Перевернула.

На обратной стороне, микроскопическим шрифтом, почти невидимым, если не знать, куда смотреть, было выгравировано одно слово:

«Дыши».

Лера не знала, сколько просидела так. Может, минуту. Может, час. Время в «Кубике Рубика» всегда текло странно — то растягивалось, как резина, то сжималось до размеров секунды. В голове крутились обрывки: голос Яна, его глаза-скальпели, петля, разомкнутая петля. И это дурацкое «Дыши», которое почему-то попало прямо в солнечное сплетение, в то место, где живёт страх. Или надежда.

Она вспомнила, как Кирилл Андреевич учил её дышать перед важными экспериментами. «Не думай, Лера. Дыши. Когда ты дышишь, мозг отключается, и тело начинает говорить правду. А правда — это то, что нам нужно». Она за-

крыла глаза. Сделала вдох. В воздухе коворкинга смешались запахи: перегретый пластик, дешёвый кофе из автомата, её рябиновый чай — горький, терпкий — и что-то ещё. Табак. И гвоздика. Аромат, который остался от Яна.

Она достала телефон. Набрала номер с визитки — единственный, который был указан мелким шрифтом на обороте, под словом «Дыши».

— Ян Ветров? — спросила она в трубку. Голос не дрожал. — Это Анастасия Райская. Я согласна.

Пауза. Его дыхание на том конце — такое близкое, будто он стоит за её плечом, положив подбородок ей на макушку. И тихий, срывающийся на хрип ответ:

— Я знал.

Короткие гудки. Лера убрала телефон. Посмотрела на экран — вызов длился одиннадцать секунд. Одиннадцать секунд, чтобы изменить жизнь.

Она взяла кружку. Рябиновый чай давно остыл, стал горьким, как полынь, и холодным, как её сердце было ещё утром. Она выпила его залпом. И впервые за два года не поморщилась. Горький вкус показался ей сладким.

За окном стемнело. Лера не заметила, как наступил вечер. Она сидела в темноте, сжимая в руке чёрную визитку, и смотрела на потухший экран монитора. В голове пульсировала одна мысль: «Ты сошла с ума. Ты только что согласилась на сделку с человеком, которого знаешь пять минут, чтобы вживить себе в мозг чип и дать душу нейросети. Это

бред. Это клиника».

Но внутри, там, где жила та самая интуиция, которую она так долго игнорировала, горел маленький огонёк. Не тот, который освещает путь. А тот, который согревает руки, когда вокруг холодно. И он шептал: «Наконец-то. Ты снова живая».

Лера встала, выключила принтер, собрала ноутбук. На прощание оглядела свой угол — грязное окно, кривую полку, засохшую герань. Два года жизни, которые она не пожалеет вычеркнуть. Она оставила на столе пустую кружку. Бабушкину. Ту самую, с трещиной. Символ всего, что она готова отпустить.

Выходя из «Кубика Рубика», она столкнулась в дверях с Максом. Он смотрел на неё с любопытством, смешанным с подозрением.

— Ты чего такая радостная? — спросил он. — Уволили, что ли?

— Можно и так сказать, — ответила Лера и улыбнулась. Впервые за два года — искренне, во весь рот, так, что у неё заболели скулы.

Она вышла на улицу. Ночной воздух пах снегом и свободой. Подняла воротник куртки и пошла в сторону метро, сжимая в кармане чёрную визитку с разомкнутой петлёй.

«Дыши», — напомнила она себе.

И вдохнула полной грудью.

Глава 2. Петля затягивается

Офис Академии Стерха оказался... офисом.

Лера стояла на въезде в бизнес-парк «Крылатские холмы» и чувствовала себя так, будто её обманули. Она ожидала чего угодно: подземного бункера с титановыми дверями, особняка в стиле хай-тек с системой распознавания сетчатки глаза, может быть, даже старой усадьбы с привидениями и секретной лабораторией в подвале. Вместо этого — серая стекляшка, каких сотни в Москве. Девять этажей зеркальных окон, въезд с шлагбаумом, табличка «Бизнес-центр класса Б+» и клумбы с вечнозелёными кустами, которые поливала автоматическая система, издающая тихое шипение.

«Боже, — подумала Лера, глядя на своё отражение в стеклянных дверях. — Я пришла сюда ради этого? Ради серого здания и турникетов?»

Она поправила воротник чёрной водолазки — высокий, закрывающий шею до самого подбородка, её броня в этом мире. В зеркальном стекле отражалась женщина, которой она не узнавала: бледное лицо, синие круги под глазами от бессонной ночи, волосы, собранные в тугой пучок на затылке. На ней были чёрные джинсы, потёртые на коленях, и старые берцы, в которых она ходила ещё в университете. Она выглядела так, будто шла на похороны. Или на собственную казнь.

Но внутри, там, где вчера загорелся огонёк, было тепло. Имплант ещё не вживили, но Лера уже чувствовала странную вибрацию в затылке — скорее психосоматику, чем реальный сигнал. Или нет? Она уже не понимала, где заканчивается её тело и начинается ожидание.

Внутри бизнес-центра пахло стерильностью и дешёвым освежителем воздуха с ароматом «морской бриз». Турникеты, как в любом бизнес-центре. Охранник — мужчина лет пятидесяти с равнодушным лицом и огромными руками, которые когда-то, наверное, были боксёрскими, а теперь просто держали телефон с «Тетрисом». Он даже не поднял головы, когда Лера подошла.

— Пропуск? — спросил он, не отрываясь от экрана.

— Меня ждут. Ян Ветров.

Охранник наконец поднял глаза. Посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом — не раздевающим, а профессиональным, как у человека, который привык запоминать лица. Потом кивнул на стойку.

— Пропуск заказывали. Ваша фамилия?

— Райская.

Он что-то набрал в компьютере, и турникет пикнул. Из щели выползла маленькая пластиковая карточка с её фотографией — когда они успели её сделать? Лера не давала им никаких фото. Значит, нашли в открытых источниках. Или следили. От этой мысли стало холодно.

— Двенадцатый этаж, — сказал охранник и снова уткнул-

ся в телефон, будто её уже не существовало.

Лифт пах старым ковролином и чужими духами — смесью «Chanel №5» и мужского лосьона после бритья. Лера смотрела, как загораются цифры этажей: первый, второй, третий... На девятом лифт остановился, и вошла девушка в белой блузке и чёрной юбке — типичный офисный планктон, с папкой в руках и отсутствующим взглядом. Она улыбнулась Лере дежурной улыбкой, и та почувствовала неладное.

Улыбка была безупречной. Слишком безупречной. Ровно два миллиметра дёсен, уголки губ строго симметричны, зубы — один к одному, как у манекена. Но глаза — пустые. Не злые, не добрые, не уставшие. Пустые. Как у куклы.

«Нервы, — подумала Лера. — Или слишком много читала про Академию».

На двенадцатом этаже она вышла. Коридор тонул в неестественно-белом свете — светодиодные панели, от которых рябило в глазах, и ни одного окна. Пол — серый ламинат, стены — белые, без картин, без плакатов, без табличек с названиями фирм. Только в конце коридора висела маленькая чёрная табличка: «ООО "Атлантис Консалдинг"». Прикрытие.

Лера пошла мимо открытых кабинетов. В каждом сидели люди в белых рубашках — мужчины и женщины, все примерно одного возраста, с одинаковыми стрижками. Они пили кофе из белых кружек. Разговаривали. Но было в этом что-то неправильное.

Она остановилась у одного из проходов и краем глаза заметила странное: четыре человека, четыре глотка — синхронно, как отрепетировано. Раз, два, три, четыре — они одновременно поднесли кружки ко рту, одновременно сделали глоток, одновременно поставили их на столы. Даже кадыки двигались в унисон.

Лера замерла. Сердце пропустило удар. Потом один из них — мужчина с залысинами — моргнул, и чары рассеялись. Люди задвигались нормально, заговорили, засмеялись. Один что-то уронил, другой поправил очки.

«Показалось, — подумала Лера. — Синдром вахтёра. Когда слишком долго ждёшь подвоха, начинаешь видеть его там, где его нет».

Но холодок по позвоночнику остался.

Дверь с табличкой «Директор по развитию» была приоткрыта. Лера постучала — три раза, коротко, как её учил отец, когда она приходила к нему в кабинет с очередной школьной проблемой.

— Войдите.

Голос Яна. Тот самый — бархат по наждаку, низкий, с хрипотцой, от которого у Леры внутри всё переворачивалось. Она толкнула дверь.

Кабинет оказался неожиданно живым. Панорамные окна во всю стену, выходящие на серый ноябрьский лес — бизнес-парк стоял на краю Крылатского, и за парковкой начинался настоящий лес, сосны и берёзы, припорошенные пер-

вым снегом. Дубовый стол — массивный, с царапинами и следами от горячих кружек. На столе — старый ноутбук, потёртый, с наклейкой в виде стилизованной цапли (стерха — Лера вспомнила название Академии), и несколько книг по нейробиологии на английском.

На подоконнике стояла старая колба — реторта из толстого стекла, наполненная мутноватой жидкостью, внутри которой плавала сухая гвоздика. Бутоны были старыми, коричневыми, но аромат — сладкий, пряный, с нотками горечи — разносился по всему кабинету. Лера невольно вдохнула глубже и почувствовала, как напряжение отпускает.

А на стене висела фотография. Чёрно-белая, в простой деревянной рамке. Танцующая пара в момент падения. Мужчина в белом, женщина в чёрном, их руки ещё касаются, но тела уже летят в разные стороны. Лица — не в фокусе, размытые движением, но в этом размытии угадывались эмоции: женщина улыбалась, мужчина — нет. Его лицо было напряжённым, почти мрачным. Лера задержала взгляд на снимке дольше, чем планировала. Что-то в этой фотографии было неправильным. Не в композиции, не в свете. В ощущении. Как будто она смотрела не на танец, а на падение.

— Марк и Вера Стерх, — сказал Ян, не поднимая головы. Он сидел за столом в тёмно-синем свитере, крупной вязки, с высоким воротом, закрывающим шею. Свитер явно был дорогим, но на локтях уже появились катышки — признак того, что его носили постоянно, не заботясь о внешнем виде.

Листал планшет. Без пиджака. Под левым глазом — глубокая тень, будто кто-то провёл пальцем, размазывая синяк. Пальцы слегка дрожали — не от страха, от усталости. — За секунду до того, как он вонзил кинжал. Она ещё улыбается. Видите?

Лера не ответила. Она села напротив, положила на стол потрёпанный ноутбук с наклейкой «Haptica inside» — единственное, что осталось от её прежней жизни, которую она не готова была отпустить. Ноутбук был старым, с треснувшим корпусом и залипшей клавишей пробела, но внутри хранились годы работы.

— Вы не спите, — сказала она.

— Сплю. Кошмарами. — Он отложил планшет и наконец поднял на неё глаза. Сегодня его глаза были просто карими, без золотых искр. Усталыми. Но когда они встретились с её взглядом, Лера снова ощутила знакомый холодок: скальпель по позвоночнику, вскрытие без анестезии. — Вы пришли.

— Пришла за деньгами и серверами. — Она взяла себя в руки. Голос должен быть твёрдым. Она должна показать, что не просит, а торгуется. — Мои условия: полная автономия, квантовые вычисления, моя старая команда — Филипп и Алина. Аванс пять миллионов. За месяц прототип, за три — готовая нейросеть. Это мои условия. Если вы не готовы их принять, я встаю и ухожу. Без обид.

Ян молчал. Смотрел на неё так, будто читал не лицо, а подкорку — слой за слоем, снимая защитные механизмы, ко-

торые Лера выстраивала годами. Она заставила себя не отводить взгляд и начала считать про себя: раз, два, три, четыре, пять... На десятом счёте он заговорил.

— Вы не поняли, Анастасия Сергеевна. — Его голос был спокойным, почти ласковым, и это было страшнее крика. — Академия Стерха не нанимает. Она посвящает. Деньги, серверы, команда — это всё будет. Но не раньше, чем вы станете своей. Пройдёте первый уровень.

— Какой уровень? — спросила Лера, и её голос, вопреки желанию, дрогнул. Она ненавидела этот тон — тон испуганной девочки, которая потеряла ключи в тёмном переулке.

Ян встал. Не спеша, плавно, как человек, который привык, что каждое его движение имеет значение. Подошёл к белой доске, где уже был написан маркером заголовок: «Haptica 2.0 — Сенсорный компилятор эмоций». Слова были выведены каллиграфическим почерком — почти художественным, с завитушками. Лера не ожидала от него такой аккуратности.

— Ваши перчатки передают физику. — Он взял синий маркер. — Давление, тепло, вибрацию, грубость текстуры. Всё, что можно измерить, оцифровать и воспроизвести. Но эмоции — это биохимия плюс контекст плюс память. — Он подчеркнул слово «память» трижды, и маркер скрипнул по пластику. — Я хочу, чтобы вы обучили нейросеть не распознавать эмоции по сенсорам, а воспроизводить их на коже другого человека. Чтобы она могла взять мою радость — не выражение лица, не частоту пульса, а мою внутреннюю, жи-

вую, иррациональную радость — и передать её вам. А потом — любому человеку в любой точке мира.

Лера почувствовала, как сердце пропустило удар. Потом ещё один. Горло сжалось, как будто невидимая рука сдавила трахею. Она вспомнила Кирилла Андреевича, который говорил: «Эмоции нельзя передать тактильно. Это не температура. Это не укол. Это целый оркестр, который играет в твоей голове, и у каждого оркестра своя партитура».

— Это невозможно, — сказала она. Голос прозвучал слишком тонко, по-девчоночьи. Она ненавидела этот тон. — Эмоции не локализованы. Они не передаются тактильно, как температура или давление. Это разные нейронные сети. Лимбическая система, кора, подкорка — они работают в связке, но нет отдельного «сенсора эмоций», который можно стимулировать и получить «радость» или «печаль». Это как пытаться передать запах через прикосновение.

— Пока нет. — Ян вернулся к столу, сел на край — близко, слишком близко. Лера уловила запах: сухой табак, замша и отчётливый аромат увядающих гвоздик, такой же, как в реторте на подоконнике. — Но если добавить прямой нейроинтерфейс, имплант в соматосенсорную кору, то можно кодировать эмоции как паттерны стимуляции. Вы — инженер. Вы знаете, что мозг не различает физическую боль и боль отвержения. Островковая доля, передняя поясная кора — одни и те же зоны активируются. Боль от пореза пальца и боль от расставания — для нейрона это просто сигналы

разной интенсивности. Значит, мы можем закодировать их и передавать.

Лера замерла. Она знала эту теорию — читала работы Ольги Захаровой о нейрокоррелятах эмоций, изучала эксперименты с имплантами у крыс, где страх передавался через стимуляцию миндалевидного тела. Но теория и практика — это пропасть. В теории человек может летать, но для этого нужны крылья.

— Вы предлагаете мне операцию, — медленно сказала она. — Вживить чип в мозг.

— Я предлагаю вам стать первым человеком, который сможет чувствовать чужие эмоции на расстоянии. Не догадываться, не интерпретировать по голосу или лицу, а именно ощущать — как жар, как холод, как поцелуй, как удар ножом. — Он наклонился ближе, и Лера увидела, как в его глазах снова зажглись золотые искры. — Вы станете мостом между человеком и машиной. Первым человеком, у которого цифровая душа заговорит на языке тела.

Лера хотела встать. В самом деле встать и уйти, хлопнуть дверью, спуститься в лифте, выбежать из этого серого здания и забыть этот разговор как страшный сон. Но тело не слушалось. Ноги стали ватными, руки — ледяными. Потому что этот безумный план — с имплантом, с кодировкой эмоций, с передачей чувств на расстоянии — был именно тем, о чём она мечтала втайне от самой себя.

Все её перчатки, вся «Haptica», все ночи в лаборатории,

все насмешки Макса, все унижения от Крестовского — всё это было прелюдией к этому моменту. К прямому контакту мозга с цифровой душой. К тому, чтобы сделать технологию не просто полезной, а живой.

— Это незаконно, — выдохнула она. — Это не прошло этических комитетов. Это даже не одобрено FDA. Если что-то пойдёт не так, я стану овощем. Или хуже — я потеряю способность чувствовать левую руку, или у меня начнутся эпилептические припадки, или имплант отторгнется, и я умру от сепсиса. Вы это понимаете?

— Академия Стерха всегда была вне этических комитетов. — Ян не отводил взгляда. Его глаза были спокойными, почти пустыми, но внутри них горел огонь — фанатичный, опасный. — Вы боитесь?

— Да, — честно сказала Лера. Пальцы сами собой вцепились в край стола так, что ногти оставили следы на дереве. — Безумно боюсь. До тошноты. У меня сейчас желчь подступила к горлу, и я не знаю, это от страха или от запаха ваших гвоздик.

— Хорошо. — Он улыбнулся. Не краешками губ, как в прошлый раз, — всей улыбкой, открыто, обнажив ровные белые зубы. И это было так неожиданно, так уязвимо, что Лера забыла, как дышать. — Без страха нет вкуса к жизни. Так говорил Марк Стерх. А потом он убил свою жену. Но до этого — он создал Академию. Выбирайте, что вам ближе.

Она молчала. В голове крутились цифры, которые она

знала наизусть из статей по нейрохирургии: вероятность осложнений при имплантации электродов в моторную кору — 2-5%, риск отторжения силиконовой подложки — 0.5%, шанс развития эпилепсии — 1%. И другой расчёт, который она держала в сердце: два года в «Кубике Рубика». Два года безысходности, рябинового чая, насмешек Макса, унизительных просьб о финансировании. Один шанс вырваться. Одна дверь, которая приоткрылась. Даже если за ней — бездна.

— Кто будет оперировать? — спросила Лера, и голос её был чужим, севшим, будто она пробежала марафон или проплакала всю ночь.

— Я, — ответил Ян спокойно.

Тишина. В кабинете стало слышно, как тикают часы на стене — старые, механические, с кукушкой, которую Лера заметила только сейчас. Кукушка выскочила и прокуковала одиннадцать раз. Утро. Она сидела здесь уже полчаса, а казалось — вечность.

Лера смотрела на его руки. Длинные пальцы, чистые ногти, никаких колец. На правой руке — маленький шрам на указательном пальце, похожий на след от скальпеля. Руки хирурга. Или убийцы. Или и то и другое сразу. В Академии Стерха, наверное, эти понятия были неразделимы.

— Вы нейрохирург? — спросила она.

— Был. До того, как Академия ушла в цифру. — Он поднял левую руку и расстегнул манжет свитера. На внутрен-

ней стороне предплечья Лера увидела тонкий белый шрам — зигзаг, похожий на молнию. Не хирургический разрез — слишком неровный, слишком длинный. Самостоятельная работа. — Я поставил имплант себе. Пять лет назад. Хотите проверить, работает ли?

Она не успела ответить. Не успела сказать «нет» или «да» или «я не готова». Он взял её ладонь — сухую, прохладную, вдруг ставшую маленькой и хрупкой в его руке — и приложил к своему шраму.

Мир взорвался.

Лера не почувствовала боли. Не почувствовала тепла, не почувствовала электрического разряда, ничего физического. Она почувствовала тоску.

Густую, как смола, чёрную, как мазут, липкую, как паутина, которая обволакивает лицо, когда идёшь по заброшенному подвалу. Тоска была не просто эмоцией — она стала физическим весом. Лере показалось, что кто-то положил ей на грудь бетонную плиту, и плита медленно давит, выжимая воздух, сминая рёбра. Она хотела вдохнуть, но не могла.

И одновременно с тоской — ярость. Такая чистая, что на миг закружилась голова, а к горлу подступила желчь. Ярость не на кого-то конкретного — на весь мир, на себя, на эту тупую, бессмысленную боль, которая не имеет причины, но живёт внутри, годами, как паразит, высасывающий силы.

А под ними, на самом дне этого колодца, пульсировало одиночество. Не то, которое лечится компанией или соба-

кой, не то, которое проходит, если пойти в бар и поговорить с незнакомцем. То, которое живёт в человеке годами, врастает в рёбра, как опухоль, и становится частью скелета. Одиночество, которое не кричит — оно молчит. Оно сидит в углу и ждёт. Ждёт, когда ты останешься один, чтобы обнять тебя и никогда не отпускать.

Лера отдёрнула руку. Дышала часто, прерывисто, будто только что вынырнула из ледяной воды после того, как провела под ней несколько минут. На лбу выступил пот, ладони стали влажными.

— Что это было? — прошептала она. Губы дрожали.

— Моя эмоция, когда я смотрел на вас вчера в коворкинге. — Ян спокойно закатал рукав обратно, прикрывая шрам. Его лицо было непроницаемым, только в глазах — тень. — Страх, что вы откажетесь. Злость на себя за то, что я не могу быть убедительнее, не могу заставить вас доверять мне. И надежда. Много надежды. Она самая тяжёлая. Потому что надежда — это ожидание потери. Когда надеешься, ты уже заранее знаешь, что можешь разочароваться. И всё равно надеешься. Глупо, правда?

Лера сглотнула. На языке остался привкус гвоздик и табака — его вкус, который передался через эмоцию. И странная сладость — от надежды, которую она только что ощутила, как чужую, но почему-то узнала, как свою. Будто эта надежда всегда жила в ней, просто спала.

Она вдруг вспомнила Кирилла Андреевича в больнице, за

день до смерти. Он лежал бледный, с трудом говорил, но глаза у него были живыми. Он сжал её руку и сказал: «Лера, не бойся надеяться. Страх — это не враг. Враг — это когда перестаёшь надеяться. Тогда ты уже мёртв, просто дышишь».

— Когда операция? — спросила она. И в тот же миг хотела взять слова обратно, зажать рот рукой, убежать, спрятаться в туалете и не выходить.

Ян посмотрел на неё с той же улыбкой — открытой, уязвимой, почти мальчишеской. И в этой улыбке Лера увидела то, чего не замечала раньше: страх. Не её страх, а его. Он боялся, что она откажется. Боялся, что она согласится, и он не справится. Боялся, что повторит судьбу Стерха.

— Завтра в восемь утра. Приходите натощак. — Он помолчал. — И не пейте рябиновый чай. Он горький. Это плохая примета.

Лера хотела сказать «нет». Или «я подумаю». Или «вы ненормальный, я вызову полицию». Вместо этого она услышала собственный голос, спокойный, как у человека, который уже всё решил за час до того, как начал спорить:

— Хорошо.

Она встала. Взяла ноутбук. На ватных ногах вышла из кабинета, прошла мимо кабинетов, где синхронно пьющие кофе сотрудники теперь пили не синхронно — или ей показалось? Один из них, тот, с залысинами, поднял голову и посмотрел на неё. На секунду Лере показалось, что он улыбнулся. Но когда она моргнула, он уже снова смотрел в мони-

тор.

Села в лифт. Двери закрылись, и Лера осталась одна в зеркальной коробке, пахнущей чужими духами. Только когда лифт поехал вниз, она позволила себе закрыть глаза и прошептать:

— Что я делаю, господи...

Но внутри, где-то глубоко, под страхом и тошнотой, горел крошечный огонёк. Тот самый, что погас два года назад в кабинете Крестовского, когда он подписал приказ о её ссылке. И он сказал ей: «Наконец-то. Ты снова живая».

На первом этаже Лера вышла из лифта и столкнулась с охранником. Тот по-прежнему играл в «Тетрис». Не поднял головы. Бизнес-центр жил своей жизнью, и ей в этой жизни не было места.

Она вышла на улицу. Ноябрьский воздух ударил в лицо — холодный, влажный, пахнущий снегом и увядающими листьями. Лера достала телефон. Пять пропущенных от Макса. Два сообщения от Алины: «Ты где?» и «Лера, блин, ответь, я волнуюсь».

Она набрала номер Алины. Та ответила после первого гудка.

— Лера! Ты жива? Я тут обыскалась. Макс сказал, ты ушла вчера странная, с каким-то мужиком. Что происходит?

— Алин, — сказала Лера, и голос её был ровным, как струна. — Ты помнишь, я рассказывала тебе про Академию Стерха?

— Ту, где чувак жену зарезал? — Алина присвистнула. — Ага. А что?

— Меня пригласили туда работать. — Лера помолчала. — И завтра мне будут вживлять чип в мозг.

Тишина. Потом Алина выдохнула:

— Ты шутишь.

— Нет.

— Ты сошла с ума.

— Возможно.

— Я еду к тебе. Сейчас. Где ты?

Лера посмотрела на серое небо, на снежинки, которые начали падать, кружась в медленном танце. Улыбнулась.

— В Крылатском. Но ты не приезжай. Я сама позвоню, когда всё закончится.

— Лера, ты... — Алина запнулась. — Ты уверена?

Лера подумала о Кирилле Андреевиче. О его словах: «Не дай им похоронить твою правду». О двух годах, потраченных впустую. О страхе, который она только что почувствовала на коже Яна — чужой, но такой родной.

— Уверена, — сказала она. — Впервые за два года я в чём-то уверена.

Она нажала «отбой». Спрятала телефон в карман. И пошла в сторону метро, сжимая в руке чёрную визитку с разомкнутой петлёй.

Снег падал на лицо, таял на губах. Лера закрыла глаза и сделала вдох.

«Дыши», — напомнила она себе.
И вдохнула.

Глава 3. Имплант

В восемь утра Лера стояла перед стеклянной дверью частной клиники на северо-западе Москвы. Район спальный, серый, с типовыми многоэтажками и редкими прохожими, которые кутались в воротники и спешили по своим делам, не глядя по сторонам. Надпись белыми буквами на матовом стекле: «Медицинский центр "Атлантис"». Снова «Атлантис». Та же вывеска, что и в бизнес-парке. Лера усмехнулась: Академия Стерха не умела придумывать новые названия. Или умела, но нарочно оставляла эти следы — как волк, который метит территорию, чтобы другие знали: здесь моё.

Она не спала всю ночь. Сидела на кухне своей однушки на восьмом этаже панельной хрущёвки, пила рябиновый чай (тёплый, но всё равно горький, как полынь), вертела в пальцах чёрную визитку с разомкнутой петлёй. Слово «Дыши» на обороте стёрлось почти до невидимости — она провела по нему большим пальцем сотни раз, и теперь осталась только слабая вмятина в картоне, как шрам.

Кухня была маленькой, три на два метра, с облупившейся краской на подоконнике и старым холодильником «ЗИЛ», который гудел так, что соседи жаловались. На стене висела фотография её матери — женщины с жёстким лицом и такими же, как у Леры, руками, покрытыми мелкими шрамами. Мать умерла пять лет назад от рака поджелудочной, и Лера

так и не успела сказать ей главного. Не то чтобы она знала, что именно хотела сказать. Может быть, «прости, что я не стала врачом, как ты хотела». Может быть, «спасибо, что научила меня не бояться станков». А может быть, просто «я тебя люблю», но эти слова застревали в горле всегда, даже когда мать лежала в больнице, худая и жёлтая, как осенний лист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.